

Н.Я. КОЗЕЛ

Контактные синтаксические синонимы и их экспрессивные возможности в художественном тексте

В статье обосновывается коммуникативный подход к изучению синтаксической синонимии. Рассматриваются экспрессивные возможности контактных синтаксических синонимов в художественном тексте, в разных условиях его регистровой организации. Делается вывод о закономерной связи этого вида повторов с субъектно-речевым планом персонажа.

Ключевые слова: *синтаксическая синонимия; синтаксема; словосочетание; синтаксическая модель предложения; коммуникативный регистр; субъектно-речевой план; экспрессивность.*

Natalya Ya. Kozel

Contact Syntactic Synonyms and Their Expressive Capabilities in a Literary Text.

The communicative approach to the syntactic synonyms studying is predicated in the article. Expressive capabilities of the contact syntactic synonyms in a literary text in different conditions of register organization are considered. It is concluded that such kind of repetitions are connected with subjective and verbal plane of a character.

Key words: *syntactic synonymy; syntaxeme; collocation; syntactic model of the sentence; communicative register; subjective and verbal plane; expressivity.*

Синтаксические синонимы — это конструкции, которые формируются одинаковым набором одноименных, но разнооформленных структурно-семантических компонентов. Особенный интерес в связи с изучением выразительных возможностей синтаксических синонимов вызывает их «аранжировка» в тексте, а именно расположение относительно друг друга — дистантное или контактное. Явление первого типа — на материале художественных текстов — описано в работе Н.А. Кожевниковой «Синтаксическая синонимия в художественном тексте», где отмечено, что художественный эффект извлекается не только из собственно «художественных средств», но и из взаимодействия обычных синонимичных языковых конструкций [Кожевникова 2005: 88]. В настоящей работе рассматриваются экспрессивные возможности контактных синтаксических синонимов, представленных единицами разных уровней (синтаксемами, словосочетаниями,

моделями предложений), в художественном тексте, его композиции, организованной разными коммуникативными типами речи — регистрами, в структуре повествования, где реализуются разные субъектно-речевые планы (автора и героев).

Контактность синтаксических синонимов отражается в смежном их расположении, когда одноименные, но разнооформленные конструкции следуют друг за другом (варьируются) или расположены в непосредственной близости друг от друга, в том числе в соседствующих предложениях, в границах общего текстового фрагмента. Это явление сравнительно малочастотно, но обладает большой выразительной силой.

Контактное расположение синонимичных синтаксем встречается обычно лишь в текстах информативного регистра¹, сообщающего об известном или осмысляемом:

(1) — А что ж вы не сказали, где живете? — спохватился и закричал ему вдогонку

¹ Система коммуникативных регистров была разработана Г.А. Золотовой. Их дифференциация базируется на типе репрезентируемой в тексте информации. Исследователь выделила следующие коммуникативные регистры: репродуктивный (изобразительный), информативный, генеритивный, волюнтивный и реактивный. Подробнее о коммуникативных регистрах речи см.: Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — С. 20–35.

Наталья Яковлевна Козел, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: k_nata17@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow State University of Education

1/1, Str. M. Pirogovskaya, Moscow, 119991, Russian Federation

Вельчанинов. — А разве не сказал-с? В Покровской гостинице... — В какой еще Покровской гостинице? — Да у самого *Покрова*, тут, в переулке-с, — вот забыл, в каком переулке, да и номер забыл, только *близ* самого *Покрова*...

(Достоевский. Вечный муж);

(2) Собственно говоря, именно *из-за друга* сердешного Юстина Юстинаускаса, скульптора, живописца и графика, народного художника Литвы и лауреата премии Ленинского комсомола, вот именно *ради* этого могучего *друга*... (Аксёнов. Таинственная страсть. — Пример взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), далее — НКРЯ).

В синонимичных парах, представленных в текстовых фрагментах, у синтаксисом можно выявить следующие оттенки значения:

— в паре пространственного значения у *Покрова* — *близ Покрова* синтаксема в форме *у + Р. надеж* указывает на контакт объекта с локумом, на большую близость к локуму, а синтаксема *близ + Р. надеж* используется для выражения меньшей близости объекта к локуму;

— в паре причинного значения *из-за друга* — *ради друга* синтаксема *ради + Р. надеж* усиливает значение благоприятной причины-стимула.

Через контактное употребление в тексте реализуются и определенные экспрессивные возможности этих синонимичных синтаксисов:

— локативы у *Покрова* — *близ Покрова* используются в реплике диалога, где последовательность расположения форм отражает возрастающее чувство неловкости и растерянности говорящего — обманутого мужа Павла Павловича Труссоцкого, пропикнувшего в дом к Вельчанинову;

— каузативы с оттенком цели *из-за друга* — *ради друга* употреблены во внутренней речи героя, где синонимичные формы и порядок их расположения служат выразительным способом передачи иронии, достигаемой через антифразис — использование этих форм в противоположном значении, так как на самом деле говорящий имеет в виду неблагоприятную для него причину.

Открытое синонимическое употребление в художественном тексте также свойственно субстантивным словосочетаниям с атрибутивными отношениями:

(1) Синий огонь газовой горелки под плоским днищем чайника, *свет луны* в окно, и Надя в *лунном свете*, как русалка.

(Бакланов. Мой генерал);

(2) Ему приснилась старая квартира — та, где жили раньше с отцом. Большая темноватая столовая, рядом с нею *комната бабушки*, отгороженная от столовой портьерой болотного цвета; в *бабушкиной комнате* всегда было солнечно...

(Трифонов. Исчезновение, НКРЯ).

В синонимической паре *свет луны* — *лунный свет* первое словосочетание выражает определительные отношения с дополнительным значением субъекта признака (ср: *луна светит*). В паре *комната бабушки* — *бабушкина комната* словосочетание, в котором подчиненный компонент имеет форму Р. падежа, акцентирует значение принадлежности лицу.

Контактное употребление этих синтаксических синонимов в приведенных примерах играет особую роль:

— в примере из повести Г. Бакланова синонимы реализованы в наглядно-примерном регистровом варианте, имитирующем прямое наблюдение (т.е. репродуктивный регистр): с помощью синонимичных словосочетаний осуществляется «монтажное» изображение романтической картины, возникающей в лирическом воспоминании героя: кадры «общего» плана (*синий огонь горелки, свет луны*) сменяются кадрами «среднего» плана (фигура женщины в *лунном свете*);

— в примере из романа Ю. Трифонова высокую лирическую тональность ностальгического переживания поддерживает особая тактика регистровой организации, где синонимичные словосочетания употреблены в разных коммуникативных типах текста: сначала — рамка, уводящая текст от сюжетного времени и обращающая его в наглядно-примерный регистровый вариант (*приснилась квартира*), затем — кадры общего плана (*большая темноватая столовая, комната бабушки*), создающие во сне героя иллюзию наблюдаемого, и, наконец, самая яркая часть картины сна о прошлом — уже в информативном регистре, заключающем детали воспоминаний (*в бабушкиной комнате всегда было солнечно*). В разных коммуникативных типах текста, организующих субъектно-речевой план того или иного персонажа, встречается и контактное расположение синонимичных моделей предложений:

(1) — Знаете ли, — сказала дама с несколько даже трогательным выражением лица, — я бы хотела... *на ней* теперь *платье*; я бы, признаюсь, не хотела, чтобы *она* была в *платье*, к которому мы так привыкли... (Гоголь. Портрет);

(2) Ну так и видите: сидит человек совсем не сумасшедший, только вдруг у него *аффект*. Он и помнит себя и знает, что делает, а между тем он в аффекте. Ну так и вот с Дмитрием Федоровичем, наверно, был аффект.

(Достоевский. Братья Карамазовы).

В примерах употреблены следующие синонимичные модели со свойственными им различительными, дистинктивными значениями:

— на ней платье — она в платье — в способах оформления компонентов моделей проявляются способы изображения (модель с предложным субъекта — «крупный кадр», модель с именительным субъекта — «общий план»);

— у него аффект — он в аффекте — с Дмитрием Федоровичем был аффект — модель с родительным субъекта — это обозначение состояния в отвлечении от конкретного проявления, «регистрация психического состояния» [Иванчикова 1979: 48], одноименная модель с именительным субъекта выражает дистинктивное значение «погруженности в состояние, поглощенности состоянием» [Цейтлин 1976: 178], модель с творительным субъекта обозначает моментальность, неожиданность возникновения состояния.

Экспрессивный потенциал этих моделей раскрывается в композиционной организации рассматриваемых фрагментов:

— в повести Н. Гоголя «Портрет» синтаксическая модель, обозначающая внешний признак субъекта, предстает то в репродуктивно-описательном регистре² (на ней теперь платье), то в волюнтивном³, побуждающем адресата к действию (я бы, признаюсь, не хотела, чтобы она была в платье): заказчица — важная дама — описывает Чарткову, каким она хочет видеть

² Коммуникативная функция репродуктивного (изобразительного) регистра «заключается в воспроизведении, репродуцировании средствами языка фрагментов, картин, событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего, наблюдателя, локализованных в едином с ним хронотопе (реально или в воображении)» [Золотова и др. 1998: 394].

³ В волюнтивном регистре обычно организуются разговорные тексты и те художественные тексты и их фрагменты, которые передают интонацию, мелодику устной речи, поскольку основная его функция — волеизъявление говорящего, побуждение к действию.

художественное изображение дочери, акцентируя внимание на наблюдаемых в реальности, но нежелательных в будущем портрете деталях;

— в примере из романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» в речи экзальтированной госпожи Хохлаковой использованы сразу три способа построения статуальной модели предложения — с родительным, именительным и творительным субъекта; синонимичные конструкции у него аффект — он в аффекте употреблены в репродуктивном регистре, точнее, в его имитации — наглядно-примерном варианте, а предложение Ну так и вот с Дмитрием Федоровичем, наверно, был аффект употреблено в информативном регистре: сначала создается иллюзия наблюдаемого состояния, которое приписывается субъекту в общеродовой референции (у него — т.е. у человека вообще, он — т.е. любой человек в таком состоянии), затем дается оценка конкретному событию, случившемуся с конкретным субъектом — с Дмитрием Федоровичем.

Особенно выразительным в художественном тексте оказывается непосредственное варьирование синтаксических синонимов, т.е. употребление разных синонимических вариантов в тесном линейном контакте друг с другом, возможном при следовании этих вариантов друг за другом, расположении их в сочинительном ряду или толковании одного варианта через другой.

Так, например, варьирование синонимичных синтаксисов отмечается в текстах лишь информативного типа, отвлеченных от актуального времени, представляющих часто фрагмент рефлексии персонажа (1), рассказчика (2):

(1) — ...Брату приснилась его черноморская чаровница. Будто ее арестовали и он ее допрашивает. Ну что ж? И такое иногда случается, и никто от этого на стену не лезет. Опять-таки — такова уж профессия. Будто она стоит перед Романом, вперила в него и молчит. А он отлично знает, что у нее или в ней таится какой-то страшный секрет, и как только этот секрет откроется — а для этого ей только стоит заговорить, — так ему тут же и конец.

(Домбровский. Факультет ненужных вещей);

(2) Этих застолий, самых беззаботных, самых по виду безоглядных — как и вообще той радости жизни, которой Амиран и Эрлом знали вкус и цену в такой мере, как мне и никому,

кто не грузин, почувствовать и понять не удавалось, — неперменным условием была серьезность. Серьезность, с какой наливали, произносили тост, шутили и пели, обеспечивала уровень этой радости, ту ее высоту и совершенство, *из-за которых и ради которых* ее можно сделать смыслом жизни.

(Найман. Любовный интерес, НКРЯ).

В первом примере варьируются субъектные синтаксемы *у нее — в ней* (синтаксема *в + П. надеж* — с семантико-грамматическим оттенком невыявленности признака), во втором — синтаксемы *из-за которых — ради которых* — каузативы с оттенком цели (в большей степени желательность каузативной ситуации акцентирована в синтаксеме с предлогом *ради*).

Варьирование синтаксисом в примерах используется как прием языковой игры, которая поддержана разделительным союзом *или* в первом примере и соединительным союзом *и* во втором. В информативном фрагменте *у нее или в ней таится страшный секрет* порядок расположения синонимов отвечает общей задаче создания комичности и загадочности, интриги воображаемой анекдотической ситуации. Во фрагменте генеритивного⁴, обобщающего регистра *ту ее высоту и совершенство, из-за которых и ради которых* ее можно сделать смыслом жизни контактные синонимы усиливают философский характер высказывания, придают ему небанальную форму и торжественно-патетическое звучание.

Высокую степень экспрессивности вносит в художественный текст и варьирование словосочетаний. Это явление типично представлено примерами субстантивных словосочетаний с атрибутивными отношениями:

(1) — Да разве в упоминании дело? Он же был не только генетик, он был еще орнитолог и любитель *пения птиц*. *Птичье пение* заслуживает отдельной науки. Промптов мог подражать всем воробьиным птицам Средней России.

(Гранин. Зубр, НКРЯ);

(2) — Работа сырая, я не допущу риска. И что вы меня подгоняете! *Жизнь человека* — это есть *человеческая жизнь*. Я не хочу гробить испытателей! Это же ж семьдесят километров! Почти

вакуум. Хотя малюсенькая пробоина, хоть в волос, — и это конец.

(Высоцкий. Как-то так всё вышло..., НКРЯ).

В текстовом фрагменте из повести Д. Гранина «Зубр» синтаксические синонимы использованы в монологе главного героя — знаменитого ученого Н.В. Тимофеева-Ресовского, с искренним восхищением и почтением рассказывающего о талантливом коллеге А.Н. Промптове. Синонимичные словосочетания реализованы на стыке разных регистров: словосочетание *пение птиц* с дополнительным значением субъекта действия употреблено в предложении информативного регистра, словосочетание *птичье пение* — в предложении генеритивного регистра. Регистровый переход заметно акцентирует внимание на мнении главного героя о Промптове, а масштаб генеритивного высказывания-обобщения — *Птичье пение заслуживает отдельной науки* — как бы укрупняет, объективирует, делает безусловной оценку таланта Промптова. В киносценарии В. Высоцкого «Как-то так всё вышло...» словосочетания-синонимы, употребленные в предложении генеритивного регистра, становятся приемом языковой игры, которая служит для сатирического изображения персонажа через его речевую характеристику: руководитель отдела научно-исследовательского института Борисенко не дает разрешения начать эксперимент, пуская в ход излюбленные речевые клише, построенные на повторе (*Наука — это наука, а эксперимент — это эксперимент* и т.п.). Примером такой демагогической уловки является и псевдофилософское изречение Борисенко *Жизнь человека — это есть человеческая жизнь*, в котором толкование через синонимичное словосочетание выглядит нелепым, паралогическим.

Контактное варьирование синонимичных моделей предложений можно наблюдать в следующих примерах:

(1) И вот ввели в семью чужую... Да ты не слушаешь меня... — «Ах няня, няня! *Я тоскую!* *Мне тошно*, милая моя: Я плакать, я рыдать готова!...» (Пушкин. Евгений Онегин);

(2) — Фамилии не знаю. Никогда не знала. Да, кажется, и никто не знает. У нее нет фамилии. — Батюшки, да это Расплюев какой-то в юбке! Ведь только почтеннейший Иван Антонович пытался уверить квартального надзирателя, что «*я без фамилии, у меня нет фамилии*».

(Амфитеатов. Питерские контрабандистки);

⁴ Функция генеритивного регистра — «обобщение, осмысление информации, соотношение ее с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с фондом знаний, проецирование ее на общечеловеческое время за темпоральными рамками данного текста» [Золотова и др. 1998: 395].

(3) И Володину показалось, что в глазах девицы горели алчный расчет, выгода и желание поскорей устроить свою судьбу. — И потом я просто не имею денег, чтобы сейчас жениться, — сказал он. И вдруг, мгновенно обдумав план действия, он решил выдать себя за бедняка и безработного. — Да, — повторил он уже более твердо и даже, как бы сказать, торжественно, — *я не имею денег, у меня нету денег*, и я, к сожалению, не могу обеспечить вас своей работой и своими недостатками.

(Зощенко. Сентиментальные повести: Сирень цветет).

Примеры этой группы показывают, что открытая синтаксическая синонимия как явление свойственна неакциональным моделям предложений: со значением душевного или физического состояния (*Я тоскую — Мне тошно*); посессивности — отношений принадлежности, владения (*Я не имею денег — У меня нету денег*); качественного признака (*Я без фамилии — У меня нет фамилии*).

Варьирование синонимичных моделей предложений отмечается в текстовых фрагментах разных коммуникативных типов:

— *Я тоскую! Мне тошно* — синтаксические синонимы следуют друг за другом в репродуктивном регистре: пушкинская героиня Татьяна Ларина говорит о своих душевных переживаниях в ночной беседе с няней;

— *Я без фамилии, у меня нет фамилии*, — контактные синонимы реализуются в информативно-описательном регистре: комическая ситуация в рассказе А. Амфитеатрова «Питерские контрабандистки» соотносится с дамой, которую все «жены чиновников среднего оклада» знают как Дину-контрабандистку;

— *Я не имею денег, у меня нет денег* — также в информативном регистре спешит сообщить расчетливой барышне ухаживающий за ней Николай Петрович Володин, герой «Сентиментальных повестей» М. Зощенко.

Тактически организованным в анализируемой группе примеров видится и порядок следования синонимичных моделей предложений: *Я тоскую — Мне тошно, Я без фамилии — У меня нет фамилии, Я не имею денег — У меня нет денег* — как в синонимической паре статутальных, так и в парах посессивных и качественных моделей на первом месте модели с именительным субъекта, для которых признак

независимости предикативного состояния от воли его носителя не маркирован, не обязателен, а на втором — модели с субъектом в косвенном падеже, для которых этот признак маркирован, закреплён. В авторских игровых приемах синонимического варьирования, в порядке расположения контактных синонимичных моделей предложений выразительнее раскрываются внутреннее состояние и черты поведения героев: серьезность, глубина и сила личных переживаний пушкинской Татьяны, курьезность поведения и реакций героев рассказов А. Амфитеатрова и М. Зощенко.

Таким образом, на всех рассмотренных уровнях реализации синтаксических единиц — синтаксем, словосочетаний, моделей предложений — контактные синтаксические синонимы в разных условиях регистровой организации художественного текста используются с целью достижения особенно выразительных эффектов, связанных с многообразными стилистическими приемами, которые в структуре повествования направлены на усиление экспрессивности субъектно-речевых планов текста, и прежде всего — как показывает материал — речевых планов персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998.

Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. — М., 1979.

Кожевникова Н.А. Синтаксическая синонимия в художественном тексте // Вопросы языкознания. — 2005. — № 2. — С. 82–88.

Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. — М., 1976. — С. 161–181.

REFERENCES

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka, Moscow, 1998.

Ivanchikova E.A. Sintaksis khudozhestvennoi prozy Dostoevskogo, Moscow, 1979.

Kozhevnikova N.A. Sintaksicheskaya sinonimiya v khudozhestvennom tekste, in *Voprosy yazykoznaniya*, 2005, No. 2, pp. 82–88.

Tseitlin S.N. Sintaksicheskie modeli so znacheniem psikhicheskogo sostoyaniya i ikh sinonimika, in *Sintaksis i stilistika*, Moscow, 1976, pp. 161–181.